

УДК 93/94 (045) (470+571)

Как начался «настоящий» XX век (к 100-летию начала Первой мировой войны)

ЦВЕТКОВ СЕРГЕЙ ЭДУАРДОВИЧ

преподаватель Международного университета в Москве

E-mail: cer6042@yandex.ru

Аннотация. Первая мировая война – политическая и культурно-духовная катастрофа цивилизованного мира, которая обусловила всю дальнейшую историю XX в. Она похоронила надежды интеллектуалов позитивистского толка на возможность бесконфликтного поступательного прогресса человечества. Несмотря на то что истоки Первой мировой войны коренились в самой сердцевине исторического развития Европы конца XIX–начала XX в., ее начало оказалось полной неожиданностью для всех политических групп и общественных слоев. Сочетание исторической неотвратимости и психологической внезапности мировой катастрофы стало главным потрясением для ее современников и важнейшим уроком для политической элиты ведущих мировых держав второй половины XX в. Автор исследует процесс сползания государств Европы к беспрецедентной военной бойне на широком историческом фоне, который придает многомерность рисуемой картине.

Ключевые слова: Австро-Венгрия; Англия; Балканы; Германия; дипломатия; Европа; империализм; колонии; международная политика; Первая мировая война; причины; Российская империя; Сербия; убийство в Сараево; Франция.

How Did the «Real» Twentieth Century (The 100th Anniversary of the First World War)

SERGEY E. TSVETKOV

Professor, International University in Moscow, the Author of the Book «Russian history» in 4 Volumes and a Number of Biographical Research Works.

E-mail: cer6042@yandex.ru.

Abstract. The First World War – the political, cultural and spiritual catastrophe of the civilized world, which led to all the subsequent history of the twentieth century. She buried hopes intellectuals positivist sense the possibility of a conflict- forward progress of mankind. Despite the fact that the origins of the First World War were rooted in the very heart of the historical development of Europe in the late XIX–early XX centuries. Its beginning was a complete surprise to all political groups and social strata. The combination of the historical inevitability of surprise and psychological world catastrophe was a major shock for her contemporaries and the most important lesson for the political elite of the world's leading powers of the second half of XX century. The author explores the process of sliding into Europe to an unprecedented military massacre against a broad historical background, which gives the picture drawn in the multidimensionality.

Keywords: Austria-Hungary; Balkans; causes; colony; diplomacy; England; Europe; France; Germany; imperialism; international politics; Russian Empire; Serbia; the assassination in Sarajevo; The First World War.

А по набережной легендарной
Приближался не календарный —
Настоящий Двадцатый Век.

А. Ахматова.
«Поэма без героя»

Причины и виновники войны

Редко какое историческое событие документировано с такой тщательностью и полнотой, как июльский кризис 1914 г., спровоцировавший роковой обмен ультиматумами между центральными

державами (Германией и Австро-Венгрией) и государствами Антанты.

Тем не менее, уже главные действующие лица европейской драмы затруднились назвать причины, по которым Европа была ввергнута в четырехлетний кошмар истребительной войны. В августе 1914 г., вскоре после вступления Германии в войну, состоялся памятный разговор между бывшим германским канцлером Бернгардом фон Бюловым и его преемником Теобальдом фон Бетман-Гольвегом. Бюлов спросил: «Как же это случилось?» И получил обескураживающий ответ: «Ах, если бы знать!»

С тех пор любого, кто знакомится с тоннами мемуарной и исторической литературы, посвященной началу Великой войны, не оставляет ощущение абсурда. Ни у одной из стран, развязавших конфликт, не было ни малейшей разумной причины бряцать оружием. Государственные мужи великих держав действовали, словно герои пьес Ионеску. Американский президент Вудро Вильсон подытожил недоумение своих современников в следующих словах: «Все ищут и не находят причину, по которой началась война. Их попытки тщетны, причину они не найдут. Война началась не по одной какой-то причине, война началась по всем причинам сразу».

Однако и он тоже ошибался, по крайней мере, в формулировке. Эту мысль гораздо лучше выразил русский философ Лев Платонович Карсавин, сказавший, что сама постановка проблемы причинности Первой мировой войны, как, впрочем, и любого другого исторического события, ненаучна по существу («Философия истории», 1923). Историческое исследование должно быть направлено не на отыскивание подлинных или мнимых корней явления, которые все равно никогда не могут быть изучены во всей полноте, а на изучение потока событий в их целокупности.

Действительно, несмотря на вот уже почти столетние усилия, историкам так и не удалось выявить ни экономической, ни политической подоплеки войны.

Экономическое соперничество Англии и Германии (и в меньшей степени — других крупных европейских держав) бросалось в глаза задолго до августа 1914 г. Согласно общепринятому мнению, в основе которого лежало хорошо разработанное последователями Маркса учение о неизбежности военных конфликтов при

капитализме¹, виной всему была империалистическая конкуренция. Не было газеты, не размещившей на своих страницах хотя бы одной развернутой статьи, где со всей очевидностью доказывалось, что Англия никогда не допустит увеличения германской экономической мощи и военного флота. Читателю внушалось, что рано или поздно экономические противоречия между ведущими империалистическими странами должны были взорвать мир.

Между тем ни Англия, ни Германия никогда не ставили себе целью подорвать экономическое благосостояние конкурента при помощи войны. Военными врагами Германии считались Франция и Россия: но с первой у немцев был территориальный спор (Эльзас-Лотарингия), а со второй их ссорили геополитические противоречия.

Далее, если встать на «экономическую» точку зрения о происхождении Первой мировой войны, то Англии и Германии полагалось не воевать между собой, а как можно скорее выступить сообща против Соединенных Штатов Америки, чья растущая промышленность бросала вызов как британской, так и германской экономике. Тем не менее никто в Европе не рассматривал США в качестве вероятного врага. Стало быть, экономические конкуренты отнюдь не обречены на войну друг с другом, даже если речь идет о мировом лидерстве.

Точно так же наиболее острые противоречия в сфере колониального раздела мира у Англии возникали не с Германией, а с Францией, создавшей вторую по обширности владений колониальную империю, и с Россией, которая имела конфликт с английскими интересами практически по всей своей южной границе. Несмотря на это Англия, Франция и Россия оказались в одном военном лагере.

Роль разжигателей войны традиционно приписывалась оружейным компаниям и связанным с ними банковским кругам. Но за истекшие столетия исследователи так и не смогли найти тех магнатов и промышленно-финансовые корпорации, которые были бы кровно заинтересованы в развязывании мировой войны, то есть связывали бы свои деловые интересы исключительно с прибылями военного времени и, что еще важнее, обладали бы таким политическим весом, чтобы иметь

¹ «Войны присущи природе капитализма, — писал Маркс. — Они просто прекратятся, когда будет отменена экономика капитализма».

возможность диктовать свою волю правительствам. Более того, некоторые крупные представители военно-промышленного комплекса с началом войны должны были поступиться своими монопольными позициями на рынке вооружений. Вот характерная история, рассказанная Луи Рено, одним из самых предприимчивых и удачливых французских промышленников, отцом знаменитой автомобильной марки. В самом начале войны, 8 или 9 августа, его вызвал военный министр. Когда Рено отворил дверь его кабинета, он ходил из угла в угол с чрезвычайно расстроенным видом, бесконечно повторяя: «Нам нужно иметь снаряды, нам нужно иметь снаряды». Спрошенный одним из присутствовавших генералов, может ли он производить снаряды, Рено ответил, что не знает, поскольку никогда их не видел. Однако же вскоре он организовал и запустил производство снарядов, после чего государственные арсеналы и оружейный концерн Шнейдер-Крезю утратили свою монополию.

Словом, если в ходе войны нашлись предприниматели, которые стали извлекать сверхприбыли из военных заказов, то это отнюдь не означает, что они несут ответственность за ее возникновение, — в пользу этого нет решительно никаких свидетельств.

Если обратиться к политической стороне вопроса о причинах Первой мировой войны, то итог научных изысканий здесь сводится к признанию невозможности выделить страну или группу стран, ставивших перед собой целью утвердить свое верховенство посредством войны и планировавших осуществить территориальные захваты. Военные планы составлялись «на случай» и не были приурочены к конкретной дате. Территориальные претензии европейских государств друг к другу были ничтожны по сравнению с материальным ущербом от тотальной войны; колониальные споры улаживались в рамках джентльменских соглашений. Конечно, в каждой крупной европейской стране имелись группы приверженцев мирового или регионального господства. Но их претензии большей частью выражались на уровне настроений и политически неоформленных идей. Как сетовал в 1912 г. один германский писатель, «главной причиной, почему наше положение иногда производит впечатление сомнительное, даже неприятное, если смотреть на Германию извне, заключается в трудности представить какую-либо понятную реальную цель для политики,

необходимой для осуществления германской идеи».

Будущее военное столкновение могло считаться в правительственных кругах неизбежным и даже желательным; однако никто не хотел выглядеть агрессором. К войне готовились и вместе с тем ее всеми силами старались оттянуть или вовсе избежать. Главные противоборствующие военные союзы и коалиции в конце XIX–начале XX в. были заключены не для того, чтобы вести захватническую политику, а в надежде, что они послужат фактором сдерживания для противной стороны. Прямой курс на войну взяли отдельные лица из окружения австрийского императора и германского кайзера — и лишь за несколько недель до ее начала.

По меткому выражению Вильгельма II, в течение предвоенных десятилетий европейский мир напоминал больного-сердечника: «он может себе жить и жить, даже очень долго. А может с той же вероятностью в любой момент умереть — внезапно и неожиданно».

К августовской катастрофе привела не та или иная причина и не их совокупность, а длинная цепочка событий и поступков, скрепленных отнюдь не безусловной связью. И все, что мы можем, — это перебирать их, как четки, на которые нанизаны зерна разного размера и достоинства.

Политические комбинации и шовинизм европейских наций

Основу прочного европейского мира политики видели в той или иной комбинации четырех великих держав — Германии, Англии, Франции и России. Очевидно, что наиболее действенным средством сохранения равновесия был бы англо-германский союз или альянс трех континентальных государств. Однако на пути этих соглашений непреступной стеной стоял национализм, уже сдобренный изрядной долей новейшего научного заблуждения — расизма.

В наибольшей степени национальным чванством страдала Англия — единственная европейская страна, взрастившая расистскую идеологию на почве собственной политической культуры. Слишком многие распоряжения и деяния английской колониальной администрации имели все признаки расовой сегрегации и геноцида².

² По словам Джавахарлала Неру, вся суть расистского фашизма сводится к применению колониально-империалистических методов в самой Европе.

Идея национального превосходства над другими народами преподносилась в английских учебных заведениях как непреложный закон бытия. Крупнейший расовый теоретик конца XIX–начала XX в. Хьюстон Стюарт Чемберлен, сын адмирала и племянник фельдмаршала сэра Невилла Чемберлена, вспоминал: «Я с раннего детства впитал это чувство гордости... Меня учили... считать французов более низким сортом людей и не упоминать их наравне с англичанами». Другие народы должны завидовать индийцам и ирландцам, имеющим счастье быть подданными британской короны. «Сам Бог не смог бы выбить из англичанина чувство собственного превосходства»³.

Перебравшись в Германию, где он сделался зятем Вагнера, Чемберлен издал свой труд «Основы девятнадцатого века» (1899). История человечества была рассмотрена им с расовых позиций. Он не был здесь первооткрывателем, задолго до него над этим вопросом трудились многие его соотечественники. Их разыскания, однако, не пользовались авторитетом по ту сторону Ла-Манша. Научное же обаяние книги Чемберлена было таково, что расовое учение отныне было безоговорочно принято немецкой профессурой (поклонниками Чемберлена в Англии были Уинстон Черчилль и Бернард Шоу, называвший его труд «шедевром действительно научной истории»).

Посеянные зубы дракона дали обильные всходы. После выхода сочинения Чемберлена расистская литература в Германии и Австрии перешла в разряд популярного чтения (сами «Основы девятнадцатого века» выдержали 10 переизданий за 12 лет; до 1914 г. было распродано 100 тысяч экземпляров).

Чемберлен утверждал, что германцы спасли Европу от «вечной мглы», в которую она погрузилась после распада Римской империи. Это — избранная раса господ: «Вступление германца... во всемирную историю пока еще далеко от завершения: германцу еще предстоит вступить во владение всем миром». Романские и прочие народы Средиземноморья он считал полукровками и «пародией на людей». Славян ненавидел всех скопом, хотя русских больше, чем остальных, видя в них «новое воплощение вечной империи Тамерлана». Русская литература вызывала у него чувство брезгливости.

³ Идеолог британского империализма Сесил Родс, учась в Оксфорде, усвоил, что англичане принадлежат к «людям лучшей нордической крови».

Чемберлен сформулировал ближайшую историческую цель для «тевтонского духа» — борьба с «янкизированной англосаксонством и татаризированным славянством».

В Германии идеи Чемберлена упали на благодатную почву. Немцы были преисполнены гордости за свои блестящие победы 1866 и 1870 гг., а ошеломительные успехи германской науки, промышленности и торговли рождали в них сладкие мечты о культурном праве на руководство остальным миром.

На пути к мировой гегемонии, разумеется, стояли «естественные враги» Германии. Борьба с ними воспринималась в рамках теории о борьбе рас. Французы, впрочем, больше не вызывали беспокойства — их откровенно презирали. Считалось, что «латинские народы прошли зенит своего развития, они не могут более ввести новые оплодотворяющие элементы в развитие мира в целом» (Мольтке). Неприязнь к Англии пока что выражалась в подчеркивании лицемерия английской политики, ее приверженности исключительно меркантильным интересам. Общим местом в немецкой историко-публицистической литературе стало сравнение Англии с дряхлеющим Карфагеном, а Германии — с поднимающимся Римом.

Но вот в отношении к России, к русским уже начинали звучать параноидальные нотки. На великого восточного соседа, так много способствовавшего созданию единой Германии, смотрели с ненавистью и страхом. Коренными свойствами русского народа считались отсталость, дикость, деспотизм, неспособность к историческому творчеству. Одновременно немецкие историки всячески превозносили роль германского элемента в русской истории — начиная от пресловутых варягов и заканчивая остзейскими (прибалтийскими) немцами, заплонившими русские канцелярии, министерства, военные штабы и университеты. Наиболее одиозным выразителем подобных взглядов был пангерманист В. Хен, утверждавший в своей книге «De moribus Ruthenorum» (1892), что у русских «нет традиций, корней, культуры, на которую они могли бы опереться», «все, что у них есть, ввезено из-за границы»; сами же они не в состоянии сложить два и два, души их «пропитаны вековой деспотизмом», поэтому «без всякой потери для человечества их можно исключить из списка цивилизованных народов». Эти чудовищные глупости находили ценителей во всех слоях немецкого общества, и даже лидер социал-демократической

фракции рейхстага Август Бебель говорил неоднократно, что, если понадобится, он возьмет ружье на плечо и пойдет воевать, чтобы защитить родину от русского деспотизма.

Англичане, французы и русские платили немцам той же монетой.

Жителей Британских островов с конца XIX в. терзал иррациональный страх перед германским вторжением, подогреваемый прессой и писателями-фантастами, вроде Уильяма Ле Кье, посвятившего этой теме два своих романа — «Великая война в Англии в 1897 г.» (1894) и «Вторжение в 1910 г.: С полным отчетом об осаде Лондона» (1906). Еще больше германская «опасность» была видна на рынке, где она проявлялась в засилье немецких товаров, грозящих подрывом английской промышленности, торговли, морского транспорта.

Французы не могли простить немцам поражения под Седаном и аннексии Эльзаса и Лотарингии. Травмированные этим неслыханным унижением, они предпочитали «никогда не говорить об этом, но постоянно думать». Катастрофа 1870 г. рассматривалась как случайная уступка «галло-римского заслона» варварскому натиску германизма. В будущем, по словам Виктора Гюго, «Франция будет стремиться только к одному — восстановить свои силы, запастись энергией, лелеять свой священный гнев, воспитать молодое поколение так, чтобы создать армию всего народа, работать непрерывно, изучать методы и приемы наших врагов, чтобы стать снова великой Францией 1792 г., Францией идеи с мечом. Тогда в один день она станет непобедимой. Тогда она вернет Эльзас-Лотарингию». Присоединение утраченных провинций связывалось с возвращением Франции подобающего места среди великих держав.

Во французской массовой литературе насаждался образ врага — немца. Популярны были населены многочисленными немецкими шпионами (французские литераторы даже всерьез утверждали, что из всех народов Европы немцы более всего склонны к шпионству). В дело шли стереотипные изображения национальных характеров: латинской веселости и свободолюбия противопоставлялось варварское убожество толстых немецких «свиней», помешанных на пиве и порядке и вдобавок дурно пахнущих.

В русском обществе по отношению к «немцу» традиционно господствовала безотчетная неприязнь, так полно выразившаяся в знаменитом

восклицании: «Подлецы — немцы!»⁴. Но отдельных русских мыслителей, писателей, журналистов уже начинала тревожить брутальная воинственность немецкого характера. Салтыков-Щедрин в книге «За рубежом» делился своими впечатлениями от поездки по Германии (1881): немецкая «застенчивость» заменилась самомнением, политическая уклончивость — ничем не оправдываемой претензией на вселенское господство, скромность — неудачным стремлением подкупить иностранцев мещанской роскошью новых кварталов...». Свое отвращение перед германским милитаризмом он выразил в следующих словах: «Берлин ни для чего другого не нужен, кроме как для человекоубийства»; «вся суть современного Берлина, все мировое значение его сосредоточены в настоящую минуту в здании, возвышающемся в виду Королевской площади и носящем название: *Главный штаб...*».

Между тем Достоевский уже оплакал «европейское кладбище»: Германия — это «изживший свои силы народ, <...> мертвый народ и без будущности...», «Франция — нация вымершая и сказала все свое», а в Англии «то же самое, что и везде в Европе, — страстная жажда жить и потеря высшего смысла жизни».

По мысли писателя, между Россией и Европой разверзлась непреодолимая пропасть отчуждения. «Господи, какие у нас предрассудки насчет Европы!», — восклицал он в одном из заграничных писем. Немцы, «пусть они ученые, но они ужасные глупцы!.. Весь здешний народ грамотен, но до невероятности необразован, глуп, туп, с самыми низменными интересами». Достоевский всей кожей ощущал «ту постоянную, всеобщую, основанную на каком-то сильнейшем непосредственном и гадливом ощущении враждебность к нам Европы; отвращение ее от нас как от чего-то противного, отчасти даже некоторый суеверный страх ее перед нами...». «Европа нас ненавидит»; «Европа презирает нас, считает низшими себя, как людей,

⁴ Хирург Н.И. Пирогов рассказывал о своей встрече на морских купаньях в Ревеле с Н.И. Крыловым, профессором римского права в Московском университете. «Мы раздеваемся и идем купаться. Первый входит в воду Крылов; но как только окунулся, так сейчас же благим матом назад; трясаясь, как осиновый лист, посинев, Крылов бежит из воды, крича дрожащим голосом:

— Подлецы — немцы!

Мы хохотали до упаду при этой сцене. Это было так по-русски, и именно по-московски: «немцы — подлецы — зачем вода холодна!» — немцы — подлецы, жида — подлецы, все — подлецы, потому что я глуп, потому что я неосторожен и легковверен» («Вопросы жизни. Дневник старого врача»).

как породу, а иногда мерзим мы им, мерзим вовсе, особенно когда им на шею бросаемся с братскими поцелуями»; «мы для них не европейцы, мешаем мы им, пахнем нехорошо». Европейцы «не могут никак нас своими признать. <...> Турки, семиты им ближе по духу, чем мы, арийцы. Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество — вот причина!». Всех славян вообще «Европа готова заваривать кипятком, как гнезда клопов в старушечьих деревянных кроватях»; «в Европе порешили давно уже покончить с Россией. Нам не укрыться от их скрежета, и когда-нибудь они бросятся на нас и съедят нас». И чтобы не быть съеденными, надо самим съесть Европу. Таково русское христианское «всеслужение человечеству».

После Берлинского конгресса 1879 г. ожесточенные нападки на Германию и немцев стали обычным делом в славянофильской и либеральной печати. Бисмарк в 1888 г. писал о «десятилетней фальсификации общественного мнения русской прессою, которая в читающей части населения создавала и питала искусственную ненависть ко всему немецкому...». Германский посол в Петербурге Лотар Швейниц сожалел о неспособности русского правительства справиться с антигерманскими кампаниями собственной прессы.

Под влиянием этих выступлений антипатия россиян к Германии приняла более выраженные формы. В 1887 г. Александр III поделился с министрами своими наблюдениями об антигерманских настроениях своих подданных: «Прежде я думал, что это только Катков⁵, но теперь убедился, что это — вся Россия».

Фобии, терзающие большие европейские нации, в немалой степени содействовали тому, что военно-политические альянсы европейских стран не приняли наиболее естественную конфигурацию.

«План Шлиффена» и его политические последствия

В 1905 г. германский Генеральный штаб разработал военное решение против русско-французского «окружения» Германии. Это впечатляющее творение стратегической мысли получило название «план Шлиффена» или «План закрывающейся

двери». Ему предстояло сыграть исключительную роль в истории XX в⁶.

Автором его был генерал граф Альфред фон Шлиффен, с 1891 по 1906 г. возглавлявший германский Генштаб. Углубленно занимаясь военной историей, он с юных лет был очарован битвой при Каннах (216 г. до н.э.), которую до конца жизни считал высшим образцом военного искусства. Его увлекала красота замысла Ганнибала — двойной фланговый охват громадного римского каре, приведший практически к полному истреблению окруженных легионов. Детальное изучение знаменитого сражения привело Шлиффена к убеждению, что «фланговая атака является сутью всей истории войн».

До того момента, когда Шлиффен встал во главе Генерального штаба, германская военная мысль жила заветами фельдмаршала Хельмута фон Мольтке-старшего, или великого Мольтке, отца блестящих побед прусской армии в войнах с Австро-Венгрией (1866) и Францией (1870–1871). Сформулированная им военная доктрина исходила из того факта, что в будущей войне Германии придется иметь дело уже не с одним, а с двумя противниками — Францией и Россией. Войну на два фронта Мольтке-старший считал губительной для Германии, поэтому при нем Генеральный штаб сосредоточил свои усилия на выработке стратегии поочередного разгрома союзников. Важнее всего здесь было не прогадать с направлением главного удара. Поскольку Франция, жившая в страхе перед новым германским нападением, превратила свою восточную границу в сплошную цепь неприступных крепостей, Мольтке-старший пришел к заключению, что Германии следует ограничиться на западе обороной, а основные силы немецкой армии сосредоточить против Российской империи. Тогда еще считалось, что «необозримые просторы России не представляют для Германии жизненно важного интереса». Поэтому разгром русской армии планировалось осуществить в приграничных областях и закончить войну захватом русской части Польши. После этого, перебросив войска на запад, можно было приступить к наступательным операциям против Франции.

Шлиффен отказался от доктрины своего легендарного предшественника, удержав из нее только наполеоновскую идею «Vernichtungs-Strategie» —

⁵ Михаил Никифорович Катков (1818–1887) — русский публицист, издатель журнала «Русский вестник» и газеты «Московские ведомости». С 1885 г. выступал с резкими антигерманскими статьями в пользу союза России с Францией.

⁶ В конце 1930-х гг. на идеях Шлиффена строилась нацистская доктрина блицкрига.

«стратегии уничтожения» противника. В отличие от Мольтке, предсказывавшего, что будущая война может длиться годами и даже десятилетиями, он полагал, что ограниченные финансовые ресурсы Германии и большая зависимость германской экономики от сырьевого экспорта не позволят ей вести затяжную войну. «Стратегия измора, — писал он, — немыслима, когда содержание миллионов вооруженных людей требует миллиардных расходов».

Фактор времени стал решающим в его стратегических выкладках. К началу XX в. Германия имела прекрасно развитую сеть современных железных дорог, благодаря чему могла провести мобилизацию и сосредоточение войск как на востоке, так и на западе буквально за несколько дней. Важность железнодорожных путей сообщения осознала и Франция, которая, занимаясь усиленным железнодорожным строительством, сумела уравнивать сроки мобилизации своей армии с германской. Но в России плотность железнодорожной сети в западных и центральных областях была намного ниже, чем в Германии и даже в Австро-Венгрии. К тому же из-за огромной протяженности Российской империи русский Генштаб вынужден был планировать переброску войск на расстояние, в несколько раз превышавшее то, которое предстояло преодолеть германским военным частям согласно мобилизационному предписанию. По расчетам германского Генштаба, полная мобилизация русской армии должна была занять от 40 до 50 дней. Следовательно, на первом этапе войны можно было не отвлекаться на русский фронт, а бросить все ударные силы против Франции.

Фронтальный прорыв сквозь первоклассные французские крепости Шлиффен считал напрасной тратой времени и сил. Повторение Седана⁷ в начале XX в. было уже невозможно. Между тем французскую армию нужно было уничтожить одним могучим ударом. И тут Шлиффен предлагал использовать опыт Канн. «Бой на уничтожение, — писал он, — может быть дан и ныне по плану Ганнибала, составленному в незапамятные времена. Неприятельский фронт не является объектом главной атаки. Существенно не сосредоточение главных сил и резервов против неприятельского

фронта, а нажим на фланги. Фланговая атака должна быть направлена не только на одну крайнюю точку фронта, а должна захватывать всю глубину расположения противника. Уничтожение является законченным лишь после атаки неприятельского тыла».

Задуманный им план не был слепым копированием схемы битвы при Каннах. Шлиффен хотел окружить французов, но не путем двойного охвата, а посредством мощного прорыва одного правого фланга германской армии. Для этого он максимально ослаблял линию войск на левом фланге, протянувшимся вдоль германо-французской границы, на охрану которой выделялось всего 8 дивизий, и сосредотачивал ударный кулак из 53 дивизий против Бельгии и Люксембурга. В тылу у этих стран не было непреодолимой цепи французских крепостей. Единственной крепостью на пути правого фланга германской армии был «вечный» нейтралитет Бельгии, гарантированный в 1839 г. Англией, Францией, Россией, Австро-Венгрией и самой Германией (тогда еще Пруссией). Шлиффен смотрел на дело с чисто военной точки зрения, не принимая в расчет политических соображений. Нейтральный статус Бельгии не имел в его глазах никакой силы. Согласно его плану, с началом войны главным силам немецкой армии надлежало сразу же вторгнуться в Люксембург и Бельгию, пройти их насквозь, затем, осуществив по широкой дуге заходной маневр, охватить Париж с юго-запада и прижать французские войска к левому флангу немецкой армии.

Если бы во время победного марша германского крыла захождения французская армия бросилась всеми силами на ослабленный левый фланг немцев, то получился бы эффект вращающейся двери: чем сильнее вы толкаете такую дверь вперед, тем больнее она стучит вас по спине и затылку. Немецкий правый фланг, пройдясь по тылам противника, уничтожил бы французскую армию на полях Эльзаса и Лотарингии.

Вся операция против Франции — грандиозные «Канны XX в.» — была рассчитана с чисто немецкой пунктуальностью, буквально по часам. На окружение и разгром французской армии отводилось ровно шесть недель. После этого следовало перебросить немецкие корпуса на восток.

Шлиффен сознательно жертвовал на начальном этапе войны Восточной Пруссией. Расположенные там 10 немецких дивизий не могли выдерживать напора русского «парового катка», который,

⁷ В конце августа — начале сентября 1870 г. прусская армия окружила главные силы французской армии, расположившиеся в районе крепости Седан. Немцы захватили в плен 104 тыс. человек, в том числе императора Наполеона III, и 549 орудий. Седанская катастрофа привела к военному поражению Франции и крушению империи Наполеона III.

как ожидалось, пришел бы в движение спустя четыре-пять недель после начала мобилизации⁸. Основную тяжесть противостояния русской армии пришлось бы взять на себя 30 австрийским дивизиям, развернутым в Галиции и южных областях русской Польши. Но спустя неделю после победы над Францией полмиллиона германских солдат, прибывших с западного фронта, должны были сокрушить русскую мощь и закончить войну на континенте — спустя восемь-десять недель после ее начала.

Действенность «плана Шлиффена» целиком зависела от четкости выполнения каждой дивизией, каждым полком и батальоном разработанного для них графика развертывания и концентрации. Любая задержка грозила проигрышем всего дела. И Шлиффен с маниакальной страстью предавался детализации своего замысла, пытаясь предусмотреть любые обстоятельства. Порой он производил впечатление безумца. Однажды, во время инспекционной поездки штаба по Восточной Пруссии, адъютант Шлиффена обратил внимание своего шефа на живописный вид видневшейся вдали реки Прегель. Генерал, бросив короткий взгляд в том направлении, куда указывал офицер, пробормотал: «Незначительное препятствие». Говорили, что перед смертью, последовавшей в 1912 г., он страшно беспокоился о судьбе своего детища. Последними его словами на смертном одре были: «Не ослабляйте правый фланг».

Впоследствии выяснилось, что «план Шлиффена» не был свободен от крупных недостатков. К их числу относились пренебрежение нейтралитетом Бельгии, что толкало Англию в стан противников Германии, и недооценка масштаба участия Англии в сухопутной войне.

И тем не менее, военная доктрина Шлиффена, сделавшаяся святыней Генштаба, оказала могучее психологическое воздействие на целое поколение германских политиков и военных. Она принесла им освобождение от страха перед «окружением» и войной на два фронта. Вильгельм и его окружение твердо усвоили: десять недель энергичных усилий — и все враги будут повержены.

⁸ Германский канцлер Бетман-Гольвег даже запрещал высаживать долгоживущие вязы в своем бранденбургском поместье Гогенфинов: не стоит труда, все равно поместье достанется русским.

Две книги

В начале 1909 г. на прилавки книжных магазинов Лондона поступил антивоенный памфлет под невразумительным названием «Европейский обман зрения» (Europe's Optical Illusion). Небольшой тираж был отпечатан в заштатном издательстве, на средства автора — главного редактора парижского издания «Дейли мейл» Ральфа Нормана Энджелла Лейна, скрывшегося за псевдонимом «Норман Энджелл». Стостраничная брошюра представляла собой сокращенный вариант более обширного сочинения Энджелла, для которого не нашлось ни одного заинтересованного издателя. Автору — невысокому сухощавому джентльмену с гладко зачесанными назад жидкими волосами на крупной голове и глазами идеалиста — пророчили полный провал или в лучшем случае сомнительную славу непонятого чудака. Публикация «Европейского обмана зрения», казалось, подтвердила правоту скептиков. Немногие газетные рецензенты удостоили труд Энджелла своим вниманием, впрочем, не простиравшимся далее кратких формальных сообщений, тут же растворившихся в океане новостей книжного рынка.

Смирившись с неудачей, Энджелл в качестве прощального жеста разослал экземпляры брошюры двум или трем сотням избранных общественных деятелей в Британии, во Франции и в Германии.

Поначалу это ничего не изменило. Но вдруг спустя несколько месяцев о «Европейском обмане зрения» заговорили — на страницах английской и американской прессы, в кабинете министров Великобритании, в королевском дворце и на дипломатических приемах. Дополнительные тиражи стали исчисляться десятками тысяч, так что в 1910 г. Энджелл уже смог издать полную версию своей книги, получившую название «Великое заблуждение: Очерк о мнимых выгодах военной мощи наций».

Это было далеко не первое его выступление с идеями пацифизма. Энджелл и прежде горячо протестовал против войны англичан с бурами и против американцев, захвативших остатки испанской империи. Однако он видел, что простого нравственного обличения милитаризма недостаточно. Для излечения человечества от империалистического безумия нужны более сильные, рациональные доводы, способные радикально изменить сам подход к вопросам войны и мира.

И в «Великом заблуждении» проблема войны предстала в совершенно новом свете.

Вся книга, от первой до последней страницы, была посвящена суровой критике многовековой политической мудрости, согласно которой внешние захваты являются непрямым условием процветания государства. Война между европейскими нациями по-прежнему возможна, утверждал Энджелл, но абсолютно бессмысленна. В XX столетии мир стал иным. Стремление правительств развязать войну в надежде извлечь из завоеваний выгоду — это великое заблуждение политического мышления. Эпоха «выгодных» войн закончилась. Мировая экономика связала страны тысячами нитей, обрыв которых принесет победителю потери отнюдь не меньшие, чем побежденному. Территориальные захваты больше не способствуют обогащению, ибо богатство завоеванной территории все равно остается в руках местного населения, иначе его эксплуатация становится экономически бесперспективной. Таким образом, завоевание в современном мире — это процесс умножения на икс, а затем получение исходной фигуры путем деления на икс. Поэтому даже если война начнется, правительства, промышленники и банкиры добьются скорейшего ее прекращения. Лучшие лекарства от всеобщей войны — сокращение военных расходов, развитие международной торговли и кредита.

Книга Энджелла мгновенно стала мировым бестселлером. Рецензии на нее появлялись сотнями, не только в Британии и на европейском континенте, но и в США. «Великое заблуждение» было переведено на 25 языков, включая русский, арабский, турецкий, японский и несколько языков Индии, а тираж за полтора года превысил два миллиона экземпляров. Король Эдуард VII, вообще редко читавший что-то, кроме официальных бумаг, дарил экземпляры книги Энджелла своим министрам. Его влиятельный советник и близкий друг лорд Эшер⁹ выступал перед студентами Кембриджа и высокопоставленными военными с речами и лекциями о «Великом заблуждении», уверяя, что ввиду взаимного переплетения интересов наций вероятность войны уменьшается с каждым днем.

⁹ Лорд Эшер — Реджинальд Балиол Бретт (1852–1930), третий лорд Эшер, — английский историк и общественный деятель, доверенное лицо королевы Виктории, а затем королей Эдуарда VII и Георга V, председатель Военного комитета, созданного для проведения реорганизации британской армии после англо-бурской войны.

В Британии не осталось ни одного университета, где бы не появилось группы убежденных приверженцев книги Энджелла. При этом заложенные в ней идеи претерпели странное, хотя и объяснимое искажение. Доказательства катастрофической разрушительности будущей войны для всей мировой экономики приняли за неоспоримое обоснование ее полной невозможности¹⁰.

Однако среди современников Энджелла были и такие люди, которые смотрели на вещи иначе.

В то самое время, когда «Великое заблуждение» начало свое триумфальное шествие по миру, отставной кавалерийский генерал и военный историк Фридрих фон Бернгарди сел за написание книги «Германия и будущая война», увидевшей свет в 1912 г. По своим идеям это был полный антипод энджелловского бестселлера, что не помешало ему также снискать ошеломительный успех.

Эпиграфом к своей книге генерал Бернгарди взял слова рядового ветерана франко-прусской войны Фридриха Ницше: «Война необходима. Только мечтательность и прекраснотушии могут ожидать от человечества еще многого, — когда оно разучится вести войны» («Человеческое, слишком человеческое»). Сам он тоже отлично знал, как кружит голову пьянящий воздух победы. 17 февраля 1871 г. двадцатилетним гусаром Бернгарди возглавил парадную колонну германских войск, вступивших в Париж, и таким образом стал первым немцем, прошедшим торжественным маршем под Триумфальной аркой. С тех пор ему пришлось с горечью наблюдать, как его соотечественники десятилетие за десятилетием теряют свою былую воинственность и превращаются в нацию сытых мещан. Поклонник книги Клауса Вагнера «Война как творческое начало мира», Бернгарди считал, что отмена войн привела бы к упадку цивилизации и деградации человечества, ибо тогда «низшие или деморализованные расы смогут легко подчинить себе здоровые расы».

Война — это прежде всего «биологическая необходимость» и выполнение «естественного закона» борьбы за существование, настаивал генерал — пожилой коренастый крепыш, счастливый обладатель пышных усов и отменного здоровья. Государства и нации не могут раз навсегда обеспечить

¹⁰ «Великое заблуждение» выдержало множество изданий. В 1938 г., накануне еще одной «невозможной» войны, книга Энджелла вышла в сокращенном варианте и разошлась тиражом около четверти миллиона экземпляров.

себе державный статус, они призваны или постоянно наливаться мощью, или в конце концов сойти с исторической сцены. Девизом германского народа должно стать: «Мировое господство или гибель». По своему культурному развитию Германская империя стоит во главе человечества, но «зажата в узких, неестественных границах». Поэтому война для нее — всего лишь простая реализация права на существование. «Наши политические задачи не выполнимы и не разрешимы без меча». Без создания великой колониальной империи германская нация не сможет обеспечить свое благосостояние. Историческими врагами Германии являются Британия, Франция и Россия. Немцы должны ударить первыми и не останавливаться ни перед чем ради достижения победы. Цель войны состоит в том, чтобы вырвать мировое лидерство из рук англичан и навсегда исключить Францию и Российскую империю из числа великих держав.

Книга «Германия и будущая война» получила широкую известность не только в Германии, но и за ее пределами (русский перевод вышел в том же году под названием «Современная война»). К 1914 г. труд Бернгарди выдержал 9 изданий. Заплы «августовских пушек»¹¹ стали фанфарами ее всемирной славы.

Балканский кризис и гонка вооружений

Смерть короля Эдуарда VII, случившаяся в мае 1910 г., на короткое время сблизила все монархические дворы Европы. В напряженные отношения великих держав было привнесено некоторое успокоение.

Благодушное настроение, царившее в Европе в 1910 г., подвигло авторов одиннадцатого издания энциклопедии «Британника» оповестить своих читателей о том, что «в скором времени национальные различия останутся только в области образования и экономики».

Словно в насмешку над этими словами в следующем году разразился один из самых острых кризисов в отношениях между Германией и Антантой.

Весной 1911 г. вспыхнуло восстание в Марокко. Французское правительство под предлогом защиты своих граждан ввело войска в столицу султана — город Фез. Фактически это означало, что Франция обзавелась новой колонией. Германское присутствие в Марокко ограничивалось двумя

фирмами, действовавшими в Агадире и Могadore (на западном берегу). Раздувать конфликт, в общем-то, было не из-за чего. Но германский статс-секретарь по иностранным делам Альфред фон Кидерлен-Вехтер, вопреки желанию своего прямого начальника канцлера Бетман-Гольвега, убедил кайзера пойти на ответные меры. Его целью было воспрепятствовать переходу Марокко под власть Франции или же, на худой конец, получить компенсацию — Французское Конго или хотя бы один портовый город на Атлантическом побережье.

В агадирскую гавань вошла германская канонерская лодка «Пантера». В скором времени ожидалось прибытие подкрепления — крейсера «Берлин», также направлявшегося в марокканские воды.

«Прыжок “Пантеры”» наделал шума во всем мире. Франция была застигнута врасплох, германские газеты захлебывались от восторга. Общее напряжение возрастало с каждым днем. И вдруг в дело вмешалась Англия, встав плечом к плечу с Францией. Британское правительство признало укрепление Германии на атлантическом побережье задевающим интересы Англии. По поручению кабинета канцлер казначейства Дэвид Ллойд Джордж публично дал знать германскому правительству, что «если Германии желает воевать, то она найдет Великобританию на противной стороне». Британский флот был приведен в боевую готовность.

Для кайзера резкий демарш Англии стал полной неожиданностью. До сих пор ни он, ни кто-либо еще среди европейских политиков не рассматривал Антанту как военный блок. Англичане не поддержали Францию в марокканском кризисе 1905 г., а во время боснийского кризиса 1909 г. они вместе с французами оставили Россию один на один против Австро-Венгрии и Германии. Прямая угроза войны с Англией напугала Вильгельма, тем более что Австрия не проявляла готовности поддержать своего союзника. Он не решился переступить черту.

17 августа кайзер провел совещание со своим окружением. Было решено уступить. «В момент реальной опасности, — ехидничал Бюлов, — Его Величество каждый раз проникался неприятным сознанием того факта, что он никогда не командовал армиями в реальных сражениях — несмотря на маршальский жезл, которым он так любил размахивать, несмотря на медали и ордена, которыми он так любил себя украшать, несмотря на

¹¹ Название знаменитой книги Барбары Такман (см. литературу).

псевдопобеды, которые ему неизменно присуждали на маневрах. Он прекрасно понимал, что он не более чем обычный неврастеник, лишенный каких-либо полководческих талантов, а уж что касается морских дел, то при всей своей увлеченности ими он не способен командовать не только эскадрой, но и даже одним-единственным кораблем».

На переговорах с французами Германия безоговорочно признала протекторат Франции над Марокко и удовольствовалась ничемной компенсацией в виде заболоченной области Французского Конго, населенной главным образом мухами цеце.

К этому времени шовинистический угар во всех странах, задействованных в агадирском конфликте, достиг своего апогея. Депутаты Рейхстага встретили сообщение Бетмана-Гольвега о договоре с Францией гробовым молчанием, зато начальник Главного штаба Мольтке-младший¹² бушевал: «Если мы еще раз вынуждены будем убраться с поджатым хвостом, если мы опять не сможем решиться открыто заявить, что готовы пустить в ход меч, тогда я потеряю веру в будущее Германии и уйду в отставку...». Германские газеты изливали на Антанту потоки ненависти. Пресса стран Антанты, в свою очередь, издевательски смаковала дипломатическое унижение Германии.

В следующем году состоялась генеральная репетиция будущей войны.

На этот раз спичку к пороховой бочке поднесли Италия и балканские государства, объединенные усилиями русской дипломатии в «балканский блок». Итальянское правительство еще 5 ноября 1911 г. официально провозгласило аннексию североафриканских владений Османской империи — Триполитании и Киренаики. Италия играла в беспроигрышную игру. Она знала, что протеста со стороны великих держав не последует — его и не последовало. Антанта желала видеть Италию в своих рядах, Германия и Австрия боялись ее выхода из Тройственного союза. В последовавшей затем итало-турецкой войне итальянская эскадра бомбардировала Бейрут, дарданелльские укрепления и захватила дюжину турецких островов на Эгейском море.

Победы итальянцев продемонстрировали полное бессилие турецкой армии. Балканские государства не захотели упустить такого случая и поспешно приступили к разделу турецкого

наследства. Осенью 1912 г. Черногория, Сербия, Болгария и Греция объявили войну Турции. Военные действия напоминали триумфальный марш союзных армий. Через месяц турки потеряли все свои владения на европейском берегу, а болгарская армия стояла в 40 км от Константинополя. Турецкое правительство обратилось к великим державам с просьбой о посредничестве.

Русский министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов был крайне недоволен самоуправством балканских государств, начавших раздел Турции против воли России, в невыгодный для нее момент¹³. Англия и другие великие державы ввели свои корабли в турецкие порты. В этих условиях русская армия не могла обеспечить захват и удержание черноморских проливов. Кроме того, приходилось считаться с перспективой войны против Австро-Венгрии и Германии. Наконец, даже временное закрытие турками Дарданелл — морских ворот, через которые проходило 60% русского хлебного экспорта, — грозило русской экономике многомиллионными убытками. Поэтому Россия выступила в несвойственной ей роли защитника территориальной целостности Османской империи. По ее настоянию, другие великие державы согласились решить на международной конференции.

Отнять победу у победителей было, однако, уже невозможно. Раздел Османской империи стал свершившимся фактом.

Военные успехи сербов и черногорцев страшно обеспокоили Австрию, стремившуюся не допустить выхода Сербии к Адриатическому морю и чрезмерного усиления Черногории. В ноябре Австро-Венгрия провела частичную мобилизацию и сосредоточила крупные силы на сербской границе.

Россия, разумеется, не осталась в стороне. Реорганизация русской армии, начатая после русско-японской войны, шла ускоренными темпами, и многие члены Совета министров были преисполнены решимости «упорно отстаивать наши насущные интересы и не бояться призрака войны». Говорили о том, что России пора перестать «пресмыкаться перед немцами», что русский народ «лучше нас понимает необходимость освободиться от иностранного влияния». Военный министр Владимир Александрович Сухомлинов

¹² Он заменил на этой должности Шлиффена, ушедшего в отставку 1 января 1906 г.

¹³ Россия видела в «балканском блоке» орудие не столько против Турции, сколько против Австрии и Германии.

с большим успехом развивал перед государем свои мысли о том, что «все равно войны нам не миновать, и нам выгоднее начать ее раньше», поскольку «из войны произойдет только одно хорошее для нас». Он всеми силами убеждал Николая II согласиться на мобилизацию двух приграничных с Австрией военных округов. При этом Сухомлинов проявлял поразительное легкомыслие: отлично сознавая, что указ о мобилизации может вызвать войну, он в то же время ходатайствовал о предоставлении ему отпуска для увеселительной поездки на Ривьеру. В ответ на недоумение других членов кабинета он без тени смущения сказал: «Что за беда, мобилизацию производит не лично военный министр, и пока все распоряжения приводятся в исполнение, я всегда успел бы вернуться вовремя. Я не предполагал отсутствовать более 2–3 недель».

Все это происходило на фоне шумных манифестаций в пользу балканских славян, в которых участвовали десятки тысяч человек.

На спусковой крючок готово было нажать и французское правительство, заверившее Петербург, что если в войну вмешается Германия, то Франция полностью выполнит свои союзнические обязательства.

Председателю Совета министров Владимиру Николаевичу Коковцову, убежденному стороннику мирного курса, стоило немалого труда охладить воинственный пыл своих коллег. По его совету был задержан под знаменами на полгода весь последний срок службы — эта мера позволяла увеличить состав армии на четверть, не прибегая к мобилизации, на которую Австрия с неизбежностью ответила бы войной.

Франции и Сербии были посланы недвусмысленные сигналы о нежелании России ввязываться в войну с Австро-Венгрией. Российский военный атташе в Париже граф Алексей Алексеевич Игнатьев в беседе с военным министром Франции Александром Мильераном заявил, что хотя «славянский вопрос остается близким нашему сердцу, но история выучила, конечно, нас прежде всего думать о собственных государственных интересах, не жертвуя ими в пользу отвлеченных идей». На прямой вопрос французского МИДа: «Какие действия предпримет Россия в случае нападения Австрии на Сербию?», — русский ответ был: «Россия не будет воевать». Сербское правительство получило ноту министра иностранных дел Сазонова, которая гласила: «Категорически предупреждаем

Сербию, чтобы она отнюдь не рассчитывала увлечь нас за собой...». Под воздействием русской дипломатии Сербия сняла свои территориальные претензии и отказалась от выхода к Адриатическому морю.

На позицию Германии в балканском кризисе 1912 г. вновь повлияла твердая решительность Англии.

Поначалу Австрии, как и в 1909 г., была обещана полная поддержка, «невзирая на последствия», по словам кайзера. Но прошлогодние события посеяли в нем нерешительность. Вильгельм попытался выяснить, на чьей стороне выступит Великобритания. Ответ был неутешительным. В начале декабря по разным каналам поступили сообщения: англичане не останутся безучастными наблюдателями австрийского вторжения в Сербию и не допустят поражения Франции.

На военном совете 8 декабря с участием высшего руководства армии и флота Вильгельм не мог сдержать свою ярость: «Из-за того, что Англия... так нам завидует и так нас ненавидит, из-за этого, оказывается, ни одна прочая держава уже не имеет права взять в руки меч для защиты своих интересов, а сами они... собираются выступить против нас! О, эта нация лавочников! И это они называют политикой мира! Баланс сил! В решающей битве между немцами и славянами англосаксы на стороне славян и галлов!». Кайзер был настроен решительно, но хотел знать, каковы шансы у Германии в войне с Антантой.

Мнение Мольтке выглядело прямой цитатой из речи Сухомлинова: «Я считаю войну неизбежной, и чем быстрее она начнется, тем лучше...». Но гросс-адмирал Тирпиц высказался против поспешных решений. По его словам, флот еще не был готов померяться силами с английскими дредноутами, требовалось не менее восемнадцати месяцев для окончания работ по расширению Кильского канала и строительства базы подводных лодок на острове Гельголанд. Мольтке скептически поморщился — незачем ждать полтора года, «флот и тогда будет не готов, а армия окажется к тому времени в менее выгодном положении; противник вооружается более интенсивно, чем мы, у нас не хватает денег». Тирпиц все же настоял на своем. Германский меч не был извлечен из ножен. Бетману-Гольвегу было дано поручение «просветить народ через прессу о великих национальных интересах, которые будут поставлены Германией, если австро-сербский конфликт

перерастет в войну. В случае войны народ не должен задаваться вопросом, ради чего сражается Германия».

Вообще, именно в 1912 г. мышление кайзера приняло катастрофический характер. Причем, грядущий европейский апокалипсис виделся ему в свете теории борьбы рас. Так, на полях одного дипломатического донесения Вильгельм начертил: «Глава вторая Великого переселения народов закончена. Наступает глава третья, в которой германские народы будут сражаться против русских и галлов. Никакая будущая конференция не сможет ослабить значение этого факта, ибо это не вопрос высокой политики, а вопрос выживания расы». Австрийский генерал граф Штюркг позднее слышал от кайзера следующие слова: «Я ненавижу славян. Я знаю, что это грешно. Никого не следует ненавидеть, но я ничего не могу поделать: я ненавижу их».

Современники связывали расистские высказывания кайзера с влиянием профессора Шимана, который считался экспертом по России. Вильгельм оказывал этому остзейскому немцу, одержимому ненавистью к славянству, неизменное благоволение. Еще ранее кайзер с большим интересом ознакомился с «Основным мифом XIX века» Чемберлена; автор был награжден Железным крестом.

Кроме Вильгельма, никакой другой политический лидер в то время не рассматривал противостояние Антанты и центральных держав в расовом аспекте.

Психологический перелом наблюдался и в поведении Николая II. Царем словно овладела какая-то усталость, фаталистическое желание предоставить событиям идти своим чередом. Коковцов вспоминал один из последних своих докладов государю. Это было уже в ноябре 1913 г., после возвращения Коковцова из поездки в Берлин. Царь принял его в Ливадийском дворце в Крыму. Коковцов рассказал о воинственных настроениях при дворе Вильгельма и своем тревожном убеждении в близости и неотвратимости войны. Николай слушал внимательно: «Он ни разу не прервал меня за все время моего изложения и упорно смотрел прямо мне в глаза, как будто ему хотелось поверить в искренность моих слов. Затем, отвернувшись к окну, у которого мы сидели, он долго всматривался в расстилающуюся перед ним безбрежную морскую даль и, точно очнувшись после забытья, снова упорно посмотрел на меня и сказал <...>: “На все Воля Божья!”»

По всей видимости, Николай II все еще находился под впечатлением пышного празднования 300-летия дома Романовых. Торжества начались в феврале и продолжались весь год. Государь с семьей совершил большое путешествие по русским городам. Десятки тысяч людей, стоявшие вдоль пути следования царского поезда, бесконечная черед парадных обедов, крестных ходов, молебнов, народных гуляний должны были засвидетельствовать неразрывное единение царя с народом. На мистический настрой государя мог влиять и Распутин, именно тогда окончательно утвердивший свое исключительное положение при царской семье. Царь, подобно своему германскому кузену, стремительно утрачивал адекватное восприятие действительности.

Кризис 1912 г. окончательно выяснил расклад сил перед решающей схваткой.

Обмен угрозами продолжился и в начале 1913 г. На полях доклада канцлера Бетман-Гольвега о ситуации на Балканах Вильгельм сделал надпись: нужна, наконец, провокация, чтобы получить возможность нанести удар, «при наличии более или менее ловкой дипломатии и ловко направляемой прессы таковую (провокацию) можно сконструировать... и ее надо постоянно иметь под рукой».

Однако уже было ясно, что войны опять не будет. В последних числах января 1913 г. Ленин в письме Горькому с сожалением обронил: «Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятия, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие».

Мир на Балканах настал в мае. Турция признала свое поражение и потеряла почти все европейские владения, отошедшие к странам «балканского блока».

24 мая состоялась свадьба единственной дочери кайзера принцессы Виктории Луизы и герцога Брунсвикского. Вильгельм пригласил на торжество обоих своих кузенов — Джорджи (Георга V) и Ники (Николая II). Оба прибыли лично. Позднее Георг V сетовал, что ему было чрезвычайно трудно поговорить по душам с русским государем: Вильгельм всюду следовал за ними по пятам, боясь, что Джорджи и Ники войдут в сговор против него. Когда им все же удавалось остаться наедине, Георга не покидало чувство, что «Вильгельм стоит, прижавшись ухом к замочной скважине».

То была последняя встреча трех монарших кузенов.

Затишье на Балканах продлилось всего месяц. Бывшие союзники не смогли поделить захваченных у Турции территорий, и в конце июня началась Вторая Балканская война. Теперь Греция, Сербия и Черногория выступили против Болгарии. Вскоре к антиболгарской коалиции присоединились Румыния и Турция. Великие державы вели себя на этот раз намного сдержаннее. Спустя месяц война завершилась поражением Болгарии и новой перекройкой границ между балканскими государствами.

Следом за тем вновь обострились русско-германские отношения. Кайзер попытался усилить германское влияние в Турции. 30 июля 1913 г. в Стамбул по приглашению турецкого правительства прибыл Отто Лиман фон Сандерс — один из лучших немецких генералов. Чуть позже к нему присоединились сорок офицеров-инструкторов. Сандерсу было поручено следить за реорганизацией турецкой армии. Кроме того, он был назначен командиром расквартированного в Стамбуле армейского корпуса и членом турецкого Военного совета.

В Петербурге восприняли эту новость крайне болезненно. Работа германской военной миссии явно имела целью подготовить турецкую армию к войне с Россией. Боялись также, что экономическое развитие юга России попадет под германский контроль. Переговоры Коковцова по этому вопросу с Бетман-Гольвегом и Вильгельмом II были безрезультатны. Конфликт вокруг миссии Сандерса несколько разрядился лишь в январе 1914 г., когда генерал под благовидным предлогом был отстранен от непосредственного руководства гарнизоном Стамбула — его произвели в маршалы турецкой армии и назначили военным инспектором всех турецких войск.

С самого начала балканского кризиса 1912–1913 гг. великие державы принялись за усиленное наращивание вооружений. Благодаря продолжительному экономическому росту правительства могли позволить себе немислимые ранее военные траты.

Германия приступила к формированию двух новых армейских корпусов. Морская программа, принятая рейхстагом в мае 1912 г., предполагала увеличить численность германского флота до 41 линейного корабля и 20 броненосных крейсеров, не считая легких крейсеров и миноносцев.

В ответ на это Черчилль пообещал палате общин, что в ближайшее время мир увидит самое

большое строительство в истории британского флота: «Один торпедный катер в неделю... Один легкий крейсер каждые тридцать дней... один супердредноут каждые сорок пять дней». В 1914 г. британское правительство приобрело контрольный пакет Англо-Иранской нефтяной компании, чтобы иметь возможность заправлять корабли жидким топливом вместо угля.

Французское правительство законом от 7 августа 1913 г. увеличило продолжительность службы с двух до трех лет и снизило призывной возраст с 21 года до 20 лет. Это позволило Франции сформировать самую большую армию мирного времени в Европе — 882 907 человек, включая колониальные войска (предвоенная численность германской армии была доведена до 808 280 человек).

В российском бюджете на оборону приходилось уже около трети всех государственных расходов. В конце 1913 г. была утверждена «Большая программа по усилению армии», которая предусматривала увеличение численности сухопутных войск почти на 40%; большое внимание было уделено полевой артиллерии и морскому строительству. Уже через три года русское правительство планировало иметь самую первоклассную армию на континенте.

Значительное увеличение военных расходов утвердили также австрийский и итальянский парламенты. Все рекорды побила крохотная Бельгия, которая предполагала к 1918 г. увеличить армию мирного времени более чем втрое.

Празднование в 1913 г. столетнего юбилея освобождения Германии от владычества Наполеона вылилось в масштабную антифранцузскую демонстрацию. Пресса напоминала немцам, что не за горами тот час, когда опять придется воевать с тем же «историческим» врагом немецкой нации.

Милитаризация в Германии достигла такого размаха, что назойливо лезла в глаза даже на улице. Российский публицист Александр Валентинович Амфитеатров вспоминал, как поразила его Германия весной 1913 г.: «Она показалась мне как бы обновленною и могуче выросшею. Восхитила и ужаснула. Огромная, гениальная культура — как бы в пристройке к образцовому военному лагерю. Все, что сильно, крепко, здорово, — в военном мундире: сытый, розовощекий, автоматически стадный, идеально выдрессированный на человекоистребление, вооруженный люд... И как вооруженный! Любуйся и трепещи! А штатское

население слабовато, хиловато, бледновато и подслеповато: на десять человек шестеро в очках. Наглядно было, что государство заставляет страну жить в военщину, а военщину кормит страной, конечно, не для парадов и маневров».

«Не знаю, — подводит Амфитеатров итог своим впечатлениям, — кто тогда в Германии желал войны, и вообще желали ли немцы войны. Но воздух был напоен войною — и притом войною, заведомо победоносною» («Борьба с немецким богатырем»).

Такие же чувства испытал протопресвитер русской армии и флота Георгий Шавельский, побывавший в 1913 г. на праздновании столетнего юбилея Битвы народов при Лейпциге: «Вот она, Германия! Стройная, сплоченная, дисциплинированная, патриотическая. Когда национальный праздник — тут все, как солдаты; у всех одна идея, одна мысль, одна цель и всюду стройность и порядок. А у нас все говорят о борьбе с нею... Трудно нам, разрозненным, распропагандированным, тягаться с нею».

Впрочем, так называемый здравый смысл отказывался драматизировать ситуацию. Максим Горький, например, находил, что Амфитеатров преувеличивает германское могущество. Германская военщина, по словам писателя, была «не так сильна, как... кажется, германские социалисты не допустят страну до войны, а если бы таковая и приключилась, то германский натиск пламенный встретит в России отпор суровый, на коем сломают свои рога».

К концу 1913 г. политические страсти поутихли. Канцлер Бетман-Гольвег напомнил сторонникам превентивного удара: «До сих пор ни одна страна не покушалась на честь или достоинство немцев. Тот, кто в этих условиях говорит о войне, должен убедительно сформулировать ее цель и доказать, что иным путем этой цели достичь невозможно... Если в настоящее время имеется в виду начать войну в отсутствие разумных и понятных мотивов, то это поставит под сомнение будущее не только династии Гогенцоллернов, но и Германии в целом. Конечно, мы должны проявлять смелость в нашей внешней политике, но просто размахивать мечом по каждому случаю, когда не затронуты ни честь, ни безопасность, ни будущее Германии, — это не просто легкомысленно, но и преступно».

Государственный секретарь США Уильям Дженнингс Брайан, наблюдая ситуацию со стороны, сделал вывод: «Условия, обещающие мир во всем

мире, никогда не были столь благоприятными, как сейчас».

В России, в последний день уходящего 1913 г., состоялось Особое совещание с участием министров иностранных дел, военного, морского и начальника Генерального штаба. Обсуждали миссию генерала Сандерса и возможность совместного русско-англо-французского удара по Турции. Председательствующий на совещании Коковцов прямо поставил перед министрами вопрос: «Желательна ли война с Германией и может ли Россия на нее идти?». Сазонов заявил о «принципиальной нежелательности войны с Германией». Военный министр Сухомлинов и начальник Генерального штаба генерал Яков Григорьевич Жилинский «категорически заявили о полной готовности России к единоборству с Германией, не говоря уже о столкновении один на один с Австрией». Наконец удалось прийти к некоторому согласию. В заключительном слове Коковцов подчеркнул, что считает «войну величайшим бедствием для России», «к каковому мнению присоединились и остальные члены Совещания», согласно протокольной записи.

*Продолжение читайте
в следующем номере*

Литература

1. Брусилов А.А. Воспоминания. — М.: Воениздат, 1963.
2. Бьюкенен Д. У. Моя миссия в России. Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. — М.: Центрполиграф, 2006.
3. Виллмотт Г. П. Первая мировая война. — [Б. м.]: ООО «Ломоносовъ», 2010.
4. Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878–1918. — М.; П.: Издательство Л.Д. Френкель, 1923.
5. Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 1–3. — М., 1960.
6. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. — М.: Новое лит. обозрение, 2000.
7. Деникин А.И. Путь русского офицера. — М.: Современник, 1991.
8. Дневники императора Николая II / общая редакция и предисловие К. Ф. Шацилло. — М.: Орбита, 1991.
9. Добrorольский С. О мобилизации русской армии в 1914 году // Царская Россия накануне революции. — М., 1991.

10. История дипломатии: Дипломатия в новое время (1872–1919 гг.). — Т. 2 / сост.: И.И. Минц, В.М. Хвостов; под ред. В.П. Потемкина. — М.; Л.: Госполитиздат, 1945.
11. История Первой мировой войны 1914–1918 гг. — М.: Наука, 1975.
12. Керсновский А. А. История Русской армии: В 4-т. — М.: Голос, 1992.
13. Киган Дж. Первая мировая война. — М.: АСТ, 2004.
14. Клей К. Король, кайзер, царь. Три монарших кузена, которые привели мир к войне. — М.: Вече, 2009.
15. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. — Париж, 1933.
16. Лунева Ю.В. Босфор и Дарданеллы. Тайные провокации накануне Первой мировой войны (1908–1914). — М.: Квадрига, Объединенная редакция МВД России, 2010.
17. Макдоно Д. Последний кайзер: Вильгельм Неистовый. — М., 2004.
18. Масси Р. Николай и Александра. — М.: Пресса, 1996.
19. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917) / под редакцией М.М. Карповича и Б.И. Элькина. 1–2 тома. — Нью-Йорк. 1955.
20. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории русского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг.: В 2 кн. — Кн. 1. Август 1914 г. — октябрь 1917 г. — М.: Международные отношения, 1993.
21. Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. — Т. 1. — Белград, 1939; Т. 2. — Мюнхен, 1949.
22. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны: пер. с фр. — 2-е изд. — М.: Международные отношения, 1991.
23. Полетика Н.П. Возникновение Первой мировой войны (июльский кризис 1914 г.). — М.: Мысль, 1964.
24. Поливанов А. А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 г. — 13 марта 1916 г.) // Вопросы Истории. — 1994. — № 2, 3, 5, 8–11.
25. Пронин В. О мобилизации русской армии в 1914 г. // Вестник первопоходника. — Лос-Анжелес. — 1964. — № 37–38.
26. Пуанкаре Р. На службе Франции 1914–1915. / На службе Франции 1915–1916. — М.: АСТ; Минск: Харвест, 2002.
27. Роуз К. Король Георг V. — М.: АСТ, Люкс, 2005.
28. Сазонов С.Д. Воспоминания. — Мн.: Харвест, 2002.
29. Саркисянц М. Английские корни немецкого фашизма. От британской к австро-баварской «расе господ»: пер. с нем. М. Некрасова — СПб.: Академический проект, 2003.
30. Струве П.Б. Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества // Русская мысль. — 1908. — № 1.
31. Такман Б. Августовские пушки. — М., 1972.
32. Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма 1871–1919 гг. — М.; Л., 1927; 2-е изд., доп. — М.; Л., 1928. См. также: Тарле Е.В. Сочинения. — Т. 1–12. — М., 1957–1962.
33. Тирпиц А. Воспоминания. — М.: Воениздат, 1957.
34. Уткин А.И. Первая мировая война — М.: Алгоритм, 2001.
35. Фридрих фон Бернгарди. Современная война: Т. 1–2. — СПб.: В. Березовский, 1912.
36. Чернин О. В дни мировой войны. — М. — Пг.: Гиз, 1923.
37. Черчилль У. Мировой кризис 1911–1918. Сокращенное и пересмотренное издание с дополнительной главой о сражении при Марне. Авторский перевод Crusoe (crusoe.livejournal.ru), 2005–2010, с издания: The World Crisis, 1911–1918 (Paperback) by Winston Churchill (Author), Martin Gilbert (Introduction). Free Press, Published by Simon & Shuster New York // [Электронный ресурс] URL: <http://on-island.net/History/Churchill/WorldCrisis/WCris.pdf> (lfnf j, hfotybz 04/ 06/ 2014) /
38. Четырехлетняя война 1914–1918 г. и ее эпоха. Т. 46. — М.: Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1927.
39. Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. — Нью-Йорк: изд. им. Чехова, 1954.
40. Шапошников Б.М. Мозг армии: в 3 книгах. — М.: Воениздат, 1927–1929.
41. Шаццлло В.К. Первая мировая война. 1914–1918. Факты. Документы. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
42. Энджелл Н. Великое заблуждение. Очерк о мнимых выгодах военной мощи наций. — М., 2009.
43. Энджелл Н. Рассказ о брошюре // Энджелл Н. Великое заблуждение. Очерк о мнимых выгодах военной мощи наций. — М., 2009.